

Анна Сон

Не публиковавшиеся стихи

Этот год принес невосполнимую утрату – умерла Анна Сон, замечательный человек, поэт милостью божьей. Аня начинала свой творческий путь, как и многие поэты Одессы, в литературной студии Юрия Михайлика «Круг». Там состоялась как поэт.

В этом альманахе мы предлагаем читателям еще не публиковавшиеся стихи Анны Сон, присланные нам ее мужем художником Олегом Соном, и как послесловие – слова прощания с Аней, написанные Юрием Михайликом и присланные из Сиднея.

* * *

День начинался призрачно и зыбко,
когда проснулись десять миллионов
моих сограждан. Начинают есть,
лечиться, остальных разбудит Герцен.
Конфеты называются «Улыбка» –
с коробки в душу смотрит Лиза мона.
Тех, кто успел на шоколад подсесть,
ждет в будущем ужасная развязка.

Белеет парус, а за ним Стамбул.
То хлебобобы в гости к сталеварам
из наших мест и эти, и другие.
Кто ближнюю историю забыл,
напомню: этот Рим почти что даром
мою страну помыл, одел, обул.

Как уцелеть? Америку закрыть,
потом навеки разлюбить глаголы,
забыть о связи звука и числа.
Родные стены помогают быть,
когда вдали от рифмы, словно голый...
Что говорить, печаль моя чиста.

* * *

Пишет греку Антон из Мессины:
пламя, воздух, вода и земля
нашей местности невыносимы,
понаехала разная тля –

захребетники и экстраверты.
Почтальон продувает усы,
он вскрывает чужие конверты
ради эпистолярной красоты.

Ради будущего с почтальонкой
сообщит инквизитору он,
что у антов большие печенки,
недоволен Мессиной Антон.

Пишет грек (Феофан, Доминик ли?):
наши съели плохую еду,
проявили агрессию, сникли,
сеют панику, кличут беду.

Мы дождемся: придет инородец –
иноходец, очкарик, спирит.
Он отравит ближайший колодец
или до смерти заговорит.

Передали залетные клуши
то, что слышали моряки:
отберет и утопит баклуши
в мелком озере в пойме реки.

* * *

Где парк за усатым Тарасом
простые секреты хранит,
мы двигались кроссом и брассом,
от нас отвернулся пиит.
Четыре отмытых чертенка,
(над ними парит логопед):
девчонка, мальчишка, девчонка,
подросток тринадцати лет

ловили русалок на устриц,
гудел под ногами причал.
Их не выносил Заратустриц.
На них Комсомольцев стучал.

Кто выучил азбуку Морзе,
зажег где не надо огни,
чтоб дети на пляже не мерзли
и в парк не ходили одни,

ходили с речевкой, с оркестром,
туда, где стоит пионер,
которому время и место
живой показали пример?

* * *

Стукач мячом за окном попадает в ад,
врубающий дрель в субботу идет туда же.
Представь себе вечность, представь себе адский сад:
июль, середина дня и дорога с пляжа.

Приходишь домой, а там – футбольный маньяк,
трудыга сосед и время без горизонта,
а если закончилось курево или коньяк,
идешь в магазин на встречу с командой зондер.

Так лучшие люди когда-то ходили в народ,
учили компьютерной грамоте новое племя,
взамен получали курятник, избу, огород,
а новое племя имело пространство и время.

Роман про хард-рок, эпопея, как жить не любя,
поклепы на рыжих брюнеток и честных блондинок –
так худшие люди когда-то ходили в себя,
как в равлика павлик, как стелька ботинка в ботинок.

Бесполые рифмы шагают, как призраки тех,
кто будет зачат непорочным путем в стеклотаре,
вдали от погромов и сексуальных утех
солятся в катарсисе русский, еврей и татарин.

* * *

С мармеладом и фруктозой,
фундуком и карамелью
спи, дитя, в свободной позе,
просыпайся без похмелья.

Просыпайся. Шутки ради
обойди свою округу,
подпирают небо дяди,
неизвестные друг другу.

Голоса не хуже птичьих,
плечи пожилых атлантов,
те, что подрастают нынче,
не ссылаются на кантов.

Дрогнет сердце у девицы
до последнего сосуда:
если курица не птица,
то Овидий не отсюда.

Светел замыслом и ликом,
что изгнанник, что скиталец.
Кто-то думал о великом,
распрямя средный палец,

кто-то обернулся шкурой
неубитого дракона.
Засыпай, дитя, без дури,
просыпайся вне закона,

установленного нищим
духом, разумом, судьбою.
Мчатся тучи, ветер свищет
от рожденья до отбоя.

* * *

Так рыба весною плывет неизвестно куда...
Сородичи, други, вода там не тише, не лучше,
а как называется это – инстинкт или случай,
судьбой назови, а умоешься – та же вода.

Твой город испорчен, тебя в нем давно не видали,
на ближних вокзалах таможенные посты,
и женщины слушают сказки про синие дали
поэтов хуже, чем ты.

Тебя разлюбили, простили, забыли немного,
все так же нейметса, за окнами чья-то страна,
что слышно, когда ты выходишь один на дорогу?
Там море, там миграционная плещет волна.